

ЛИНА ВИНЦ

МЕХАНИЧЕСКОЕ
СЕРДЦЕ
ТОЖЕ МОЖЕТ БИТЬСЯ

Лина Винц

**Механическое сердце
тоже может биться**

«Автор»

2026

Винц Л.

Механическое сердце тоже может биться / Л. Винц — «Автор»,
2026

В Империи, где паровые машины питают целые города, а аристократы скрывают лица за золотыми масками, леди Элеонора Вейл считается женщиной с дурной репутацией. Астерион восхищается ее красотой и одновременно шепчет за спиной самые грязные слухи. Мужчины мечтают оказаться в ее объятиях, а Инквизиция все чаще задает неудобные вопросы. Рядом с Элеонорой всегда находятся двое верных спутников: загадочный автоматон Люмен и молодой дворецкий Люциус, для которого хозяйка давно стала всем миром. Он готов защищать ее от чужих взглядов, чужих рук и даже от нее самой. Тем временем исчезают люди, в северных землях пропадают экспедиции, а Империя стоит на пороге энергетического кризиса. «Механическое сердце» — атмосферное готическое фэнтези в декорациях стимпанка, где роскошь аристократических балов соседствует с дымом фабрик. Для поклонников мрачной романтики, сложных отношений и историй, в которых настоящими чудовищами далеко не всегда оказываются те, кто скрывает клыки.

© Винц Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. После полуночи	5
Глава 2. Бал у графини Вейл	13
Глава 3. Пепел Астериона	18
Глава 4. Северная экспедиция	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Лина Винц

Механическое сердце тоже может биться

Глава 1. После полуночи

— Господин, завтрак готов, — размеренный голос разбудил Вильгельма. Он с трудом открыл глаза и прищурился от резкого солнечного света, пробивающегося сквозь шторы. Голова гудела, а тело дрожало от слабости.

— Господин, завтрак готов, — немного громче повторил молодой человек в черном костюме, склонившись в вежливом поклоне.

— Я услышал тебя с первого раза, — недовольно поморщился Вильгельм, приподнимаясь с кровати, — а ты...

— Люциус, дворецкий этого дома, — молодой человек выпрямился. Вильгельм попытался встать, но от слабости тело не слушалось, и он упал на кровать.

— Точно, эта девчонка, — Вильгельм попытался сфокусировать взгляд на Люциусе, — я имею ввиду миледи, гхм. Видимо, если я в таком состоянии, значит, хорошо мы вчера повеселились. Только я плохо помню подробности, — он почесал затылок, — не подскажешь, дворецкий, миледи громко кричала? Кстати, где она? Я не против освежить вчерашние воспоминания, — губы Вильгельма расплзлись в самодовольной усмешке.

Кулаки Люциуса сжались, и всё тело напряглось, пытаясь сдержать порыв ярости и сохранить лицо. — Прошу, завтрак накрыт внизу, спускайтесь, когда будете готовы, — он закрыл за собой дверь в гостевую комнату.

Внизу Вильгельма ждал ароматный завтрак. Столовая оказалась неожиданно огромной для поместья, в котором, судя по тишине, жило всего несколько человек. Высокий потолок терялся в полумраке; между темными дубовыми панелями тянулись латунные трубы отопления, тихо постукивающие от проходящего внутри пара. На дальней стене мерно тикали часы размером почти с человеческий рост — старые, черные, с тусклым бронзовым маятником. Вильгельм невольно поежился. Дом был роскошным, но слишком тихим. Не слышно: ни слуганок, ни поваров, ни шагов. Только глухой стук механизмов где-то глубоко внутри стен.

Посреди длинного стола, покрытого тёмно-зелёной скатертью, уже стояли блюда, от которых поднимался горячий пар. Толстые ломтики поджаренного хлеба с хрустящей коркой лежали в серебряной корзине, рядом поблескивало янтарное масло в маленькой стеклянной чаше. На тяжёлой чугунной сковороде медленно потрескивали колбаски в густом луковом соусе, а рядом исходили ароматом жареные яйца с темными специями и зеленью. Отдельно стояли блюда с копчёной речной форелью, тонко нарезанными сырами и ещё тёплыми сладкими булочками, посыпанными сахарной пудрой. Из узкого медного чайника поднимался запах крепкого чёрного чая с какими-то незнакомыми травами, терпкими и слегка сладковатыми одновременно.

— Надо же, — пробормотал он, опускаясь на стул. — А ваша госпожа знает толк в лечении похмелья, — он взял вилку, но рука дрогнула от слабости. Странно. Словно он не пил всю ночь напролет, а несколько дней провалялся в горячке. Люциус стоял неподалеку, неподвижный, как тень у стены. В утреннем свете дворецкий выглядел еще моложе. На вид ему было не больше двадцати пяти. Темные волосы были аккуратно зачесаны назад, черный костюм сидел безупречно, серебряная цепочка часов поблескивала у жилета. И только глаза казались слишком холодными для человека его возраста.

— Машина уже ждет вас у главного входа, господин, — спокойно произнес он.

— Уже выгоняете?

— Миледи не любит затяжных прощаний.

Вильгельм усмехнулся: — А жаль. Обычно после таких ночей дамы становятся гораздо любезнее.

Люциус ничего не ответил. Это раздражало. Вильгельм демонстративно откинулся на спинку стула и осмотрел зал. — И всё-таки странный у вас дом. Тихий слишком. Где слуги?

— В поместье достаточно рук.

— Угу, — Вильгельм отправил в рот кусок хлеба, — слушай, дворецкий... а что было вчера после вина?

— Вы прекрасно провели вечер.

— Это я понял. Но я вообще ничего не помню после того, как зашёл в спальню.

— Значит, вечер действительно был удачным.

Вильгельм хохотнул, — А ты забавный. Он поднялся из-за стола, чуть пошатнувшись. Слабость все еще не проходила. — Я сам найду миледи, — заявил он, — нехорошо уезжать, не попрощавшись.

— Госпожа отдыхает.

— Тем более. Со мной ей будет лучше. Я знаю, что говорят про твою госпожу. Обидно, наверное, не получать молодое женское тело, когда оно так близко и так доступно.

Вильгельм направился к коридору. И тут впервые за утро Люциус сдвинулся с места. Он молниеносно и твердо перехватил мужчину за локоть. Вежливая улыбка осталась на его лице, только глаза стали ледяными.

— Я бы не советовал идти туда, господин.

Вильгельм раздраженно выдернул руку. — Это еще почему?

— Потому что вы — гость.

— И?

— А я отвечаю за порядок в этом доме, — несколько секунд они смотрели друг на друга. Вильгельм был выше и шире в плечах, но впервые за утро почувствовал неприятное напряжение, будто перед ним стоял не худой молодой дворецкий, а что-то гораздо опаснее. Тишину нарушил тихий металлический щелчок. Позади них стоял Люмен. Высокий автоматон почти касался головой арки прохода. Его темный металлический корпус тускло поблескивал в полумраке, а единственный голубой глаз спокойно смотрел на гостя и медленно мерцал. Вильгельм вздрогнул, — Проклятье... — выдохнул он. — Эта штука умеет ходить бесшумно?

— Люмен проводит вас к машине, — настойчиво произнес Люциус.

— Да ладно тебе, я просто хотел...

— К машине.

На этот раз в голосе дворецкого исчезла вся вежливость. Вильгельм раздраженно цокнул языком, но спорить не стал. Когда тяжелые входные двери закрылись за гостем, поместье снова погрузилось в тишину.

Люциус медленно выдохнул, достал из кармана серебряные часы с символами солнца и меча на крышке, привычным движением поправил перчатки и начал методично закрывать шторы на окнах, одну за другой. Тяжёлая тёмная ткань заслонила солнечный свет, погружая комнаты в привычный для обитателей этого дома сумрак. Золотые полосы на полу исчезали, уступая месту тёплому дрожащему свету газовых ламп. Где-то внутри стен зашипел пар. Люмин бесшумно вернулся в холл.

— Он уехал.

— Хорошо, — Люциус направился к лестнице. Наверху поместье становилось еще тише. Только часы. Тик. Тик. Тик. Люциус остановился у высокой двери из черного дерева. Несколько секунд просто смотрел на нее. А потом тихо постучал.

— Госпожа.

Тишина. Он осторожно открыл дверь. Комната утопала в полумраке. Плотные шторы были задернуты, и лишь тусклый свет лампы освещал огромную кровать под темным балдахинном. На белых простынях неподвижно лежала Элеонора. Длинные черные волосы рассыпались по подушке, ее тонкая рука безвольно свисала вниз. Ее кожа в полумраке казалась почти мраморной. На мгновение Люциус замер, будто пытаясь запечатлеть ее образ. Он осторожно опустился возле кровати.

— Госпожа... — Ресницы Элеоноры дрогнули, словно пробуждение давалось ей с трудом.

— Доброе утро, Люци. Сейчас какой час? — тихо спросила она.

— Три часа дня, — Элеонора медленно села на кровать. Шелковая ткань мягко соскользнула с плеча, и Люциус тут же отвернулся, засмуцавшись.

— Эль, ты не одета?

— С годами перестаешь переживать о таких вещах, как смущение, — улыбнулась она, — если хочешь, можешь подсмотреть, а то так и останешься девственником.

— Эль, хватит говорить такие вещи!

— Не смущайся, я же у тебя всё видела, помнишь, купала тебя в детстве, когда ты только появился в моем доме. Твоей будущей невесте повезет, — хихикнула она, скрывшись за ширмой.

— Эль! — теперь щеки Люциуса полыхали от смущения.

— Гость уехал? — спросила она, надевая платье.

— Да

Элеонора вышла из-за ширмы в элегантном темном бархатном платье с латунными застежками, украшенном тонкими цепочками. Она внимательно посмотрела на Люциуса. — Ты злишься.

Он молчал. Элеонора знала его слишком хорошо.

— Люци?

— Он говорил о тебе неподобающим образом.

— И поэтому ты едва не сломал ему руку?

Люциус спокойно поднял взгляд. — Я сдерживался.

Несколько секунд Элеонора просто смотрела на него. В полумраке комнаты ее глаза казались почти золотыми, неестественными и красивыми до тревоги.

— Ты слишком остро реагируешь на подобные вещи, — тихо произнесла она, садясь за туалетный столик, — поможешь с волосами?

— А ты позволяешь таким, как он, слишком многое, — Люци бережно расчесывал длинные темные волосы гребнем. — Ты знаешь, какая у тебя в округе репутация?

— Мне всё равно. Лучше скажи, ты всё подготовил? — повернулась она назад.

— Да, и перестань крутиться.

Люмен бесшумно появился в дверях. Голубой глаз тихо мерцал в темноте.

— Прибыла корреспонденция.

Элеонора устало прикрыла глаза. — Оставь. — Люмен положил на столик у двери несколько конвертов и газет и исчез так же бесшумно, как появился. Люциус мельком проглядел бумаги.

— Что-нибудь интересное? — спросила Элеонора, нанося легкий макияж.

— Похоже, пропажи людей в нижнем городе участились. — Элеонора на мгновение замерла с кистью в руке. В зеркале дрогнуло отражение её янтарных глаз.

— Опять? — тихо спросила она.

Люциус развернул газету чуть шире. Страницы пахли типографской краской и сыростью. На первой полосе красовалась очередная пугающая статья: «Третье исчезновение за неделю. Инквизиция начала расследование в Нижнем городе.» Ниже шло описание: молодой рабочий, двадцать лет, найдено только пальто возле канала. Люциус нахмурился.

— Все мужчины. Молодые. И пропадают рядом с промышленным кварталом. Элеонора медленно отвела взгляд от зеркала. — Тела нашли?

— Нет.

— Тогда люди снова придумают монстров.

— Уже придумали. — Он положил газету на столик. — В этот раз говорят о «ночном мяснике».

Элеонора тихо вздохнула. — Люди любят страшные сказки.

— Особенно когда инквизиция начинает задавать вопросы.

Тишина. Где-то внизу глухо зашипели трубы отопления. Люциус вдруг заметил: Элеонора больше не красилась. Она замерла с кистью в руке, задумчиво глядя в одну точку.

— Эль?

Она медленно подняла взгляд. В ее глазах мелькнула тревога, настоящая. Но сказать Элеоноре ничего не успела. Внизу раздался тяжелый стук в дверь. Три удара. Громких. Металлических. Люциус и Элеонора одновременно переглянулись. Люмен появился в дверях почти мгновенно.

— Посетители.

— Кто? — спокойно спросила Элеонора.

— Инквизиция.

Комната будто похолодела. Люциус сразу же выпрямился.

— Сколько?

— Пятеро. Элеонора медленно поставила кисть на столик. На ее лице снова появилась привычная спокойная улыбка. Слишком идеальная.

— Как я выгляжу?

Люциус раздраженно выдохнул. — Эль, сейчас не время шутить.

Она поднялась со стула. Темное платье мягко зашуршало по полу. — А когда оно было?

Главный холл встретил их привычным полумраком. Шторы были плотно закрыты, и лишь газовые лампы отбрасывали теплый дрожащий свет на черный мрамор пола. Огромные часы у лестницы мерно тикали, нарушая тишину. Тик. Тик. Тик. У дверей уже стояли трое мужчин в темных длинных плащах и двое вооружённых сопровождающих. На груди каждого поблёскивал серебряный символ солнца. Инквизиция. Старший выглядел лет на сорок: суровое лицо, седые виски, механический монокль поверх левого глаза. Он внимательно осматривал поместье, будто пытался заметить что-то скрытое под слоем роскоши.

— Слишком много часов для одного дома, — заметил инквизитор. Люмен, возникший рядом, совершенно бесшумно склонил металлическую голову.

— Госпожа любит точность.

Инквизитор скользнул по автоматону настороженным взглядом. — А ты?

— А я люблю госпожу.

Повисла пауза. Когда Элеонора спустилась по лестнице, инквизитор чуть склонил голову.

— Графиня Вейл.

— Господа инквизиторы, — мягко улыбнулась она, — какой неожиданный визит.

Люциус остановился на ступень выше нее, молча, но не сводя глаз с гостей. Его дежурная вежливость дворецкого сменилась на холодность и настороженность.

— Простите за беспокойство, миледи, — произнес старший инквизитор. — Мы расследуем серию исчезновений в Нижнем городе.

— И решили начать с меня?

— Ваше имя... нередко упоминается.

Улыбка Элеоноры стала чуть тоньше. — Люди много болтают.

— Особенно о красивых женщинах.

— Тогда вам стоит арестовать половину города.

Один из младших инквизиторов едва заметно усмехнулся, но старший остался серьезен. Его взгляд вдруг остановился на Люциусе.

— А это?

— Мой дворецкий, — спокойно ответила Элеонора.

— Люциус.

Инквизитор медленно кивнул.

— Молод.

— Это преступление?

— Для дворцового — редкость.

Люциус почувствовал, как внутри медленно поднимается раздражение. Особенно от того, как этот человек смотрел на Элеонору. Очень внимательно и цепко, будто пытался разобрать её по частям.

— Вы ведь часто принимаете у себя гостей? — продолжил инквизитор.

— Иногда.

— Молодых мужчин.

— И это тоже не преступление.

Один из сопровождающих вдруг развернул блокнот. — Вильгельм Хартман. Эдвард Ройс. Феликс Браун. Все посещали ваше поместье незадолго до исчезновения других молодых людей в городе.

Тишина. Люциус медленно сжал челюсть. Элеонора же не изменилась в лице.

— Господа, — мягко произнесла она, — если каждый мужчина, побывавший у меня дома, станет поводом для расследования, вам придется поставить палатку у ворот.

Младший инквизитор кашлянул, пытаясь скрыть смешок. Но старший продолжал смотреть на неё неподвижно. А потом очень спокойно спросил: — Вы верите в чудовищ, миледи?

На несколько секунд в холле повисла тишина. Только часы. Тик. Тик. Тик. Элеонора медленно улыбнулась.

— Разумеется, нет, — произнесла она. — Чудовища существуют только в дешевых романах и проповедях инквизиции.

Один из младших инквизиторов едва заметно дернул уголком губ. Старший же продолжал смотреть на нее неподвижно. Его механический монокль тихо щелкнул, меняя линзу. Люциусу это не понравилось.

— А вы? — мягко спросила Элеонора. — Верите?

— Я верю, что люди способны на вещи намного страшнее любых сказок.

— Мудрый ответ.

Инквизитор медленно прошелся взглядом по холлу, потом неожиданно произнес:

— У вас необычно холодно для жилого дома.

Люциус ответил раньше Элеоноры:

— Миледи плохо переносит жару.

— Вот как.

Инквизитор подошел к одной из газовых ламп. Свет лег на его лицо, подчеркивая старые шрамы возле подбородка. Человек, привыкший к насилию.

— Любопытно, — задумчиво сказал он. — Обычно дворяне, напротив, любят солнце и тепло.

— Обычно дворяне не живут в поместьях с паровыми котлами под половиной здания, — спокойно ответила Элеонора.

— Значит, дело в механизмах?

— А вы ожидали услышать что-то интереснее?

Он перевёл взгляд на неё. И снова эта долгая пауза. Будто пытался поймать её на чем-то, что сам пока не понимал.

Внезапно сверху раздался звук, словно что-то металлическое упало на пол. Люциус едва заметно напрягся. Инквизиторы одновременно подняли головы.

— Вы не одни в доме? — спросил старший.

— Кроме нас и Люмена — никого, — ответила Элеонора.

— Тогда что это было?

— Старое поместье, господин инквизитор. Оно полно странных звуков.

Но в этот момент звук повторился. На этот раз громче. Скрежет. Будто кто-то провел металлом по дереву. Люциус почувствовал, как холод пробежал по спине. Элеонора тоже это услышала.

И впервые за весь разговор ее обворожительная улыбка исчезла. Инквизитор медленно повернулся к лестнице.

— Полагаю, мы должны проверить.

— В этом нет необходимости, — слишком быстро произнёс Люциус.

И все сразу посмотрели на него. Проклятье. Он сжал пальцы за спиной. Спокойно. Только спокойно. Старший инквизитор прищурился.

— Вы нервничаете, дворецкий?

— Я не люблю, когда незнакомцы ходят по дому госпожи.

— Даже если они представители закона?

— Особенно тогда.

Младший инквизитор фыркнул. Но старший неожиданно скептически улыбнулся.

— Преданность достойна уважения.

Он сделал шаг к лестнице. И в этот момент наверху снова раздался звук. На этот раз хрип. Нечеловеческий. Будто кто-то пытался вдохнуть воздух поврежденными легкими. Люциус побледнел. Элеонора резко повернула голову наверх. Инквизиторы уже тянулись к оружию.

Тик. Тик. Тик. Часы в холле звучали теперь оглушительно громко.

— Миледи... — очень тихо произнёс Люциус.

Кто-то еще был в доме, и судя по выражению ее лица, этого «кого-то» здесь быть не должно. Инквизитор медленно вытащил серебристый револьвер. Щелчок взведенного механизма прозвучал в тишине особенно резко. Остальные последовали его примеру. Люциус сделал шаг вперед, словно собираясь перекрыть им дорогу, но Элеонора едва заметно коснулась его руки.

Не сейчас. Она сама начала подниматься по лестнице спокойно и уверенно. Слишком спокойно для человека, в чьем доме происходило нечто подобное. Инквизиторы двинулись следом. Газовые лампы дрожали от сквозняка, отбрасывая на стены длинные изломанные тени. Где-то глубоко внутри поместья шептал пар, и от этого весь дом казался живым существом, медленно дышащим во тьме. Скрежет повторился. Теперь ближе. Из восточного крыла. Люмен бесшумно шёл последним. Его металлические пальцы тихо постукивали друг о друга, а голубой глаз мерцал ярче обычного. Коридор впереди тонул в полумраке. Одна из дверей была приоткрыта. Именно оттуда доносилось тяжёлое хриплое дыхание. Инквизитор поднял руку, приказывая остановиться.

— Назад, миледи.

Элеонора не послушалась. Она смотрела на дверь так напряженно, что Люциус почувствовал, как внутри начинает подниматься тревога. Будто она уже знала, что находится внутри.

Инквизитор ногой распахнул дверь. Запах ударил сразу. Кровь. Сырость. Гниющее мясо. Один из младших инквизиторов тихо выругался. В углу комнаты скорчилось существо. Когда-то это был человек. Молодой мужчина в рваной рабочей одежде. Его кожа посерела и натянулась на кости, под ней темными нитями проступали вздувшиеся сосуды. Пальцы заканчивались почерневшими ногтями, а грудная клетка судорожно дергалась.

Пустой.

Существо медленно подняло голову и замерло, увидев Элеонору. Люциус почувствовал, как воздух в комнате резко изменился. Пустой тихо заскулил, не агрессивно, а скорее жалобно, а потом начал ползти к ней. Люциус бросился вперёд, преграждая путь к Элеоноре. Один из инквизиторов резко вскинул оружие.

— Не стрелять! — приказал старший.

Пустой продолжал тянуться к Элеоноре, будто узнавал ее. Будто чувствовал что-то. Его мутные глаза не отрывались от нее ни на секунду.

— Госпожа... — тихо произнес Люциус. Он впервые видел пустого. Чувство омерзения и страха за Элеонору смешались у Люциуса одновременно. Хуже всего было то, что существо не пыталось нападать. Оно выглядело... испуганным.

— Помогите... — прохрипел пустой.

Младший инквизитор содрогнулся. — Господи...

Старший резко шагнул вперед и ударил существо рукояткой револьвера в висок. Пустой рухнул на пол. Но даже теряя сознание, продолжал тянуть руку к Элеоноре. В комнате повисла тяжелая тишина. Элеонора медленно подняла взгляд на инквизитора, и впервые за их визит ее голос стал по-настоящему холодным.

— Вы хотите объяснить, что это такое?

Инквизитор выдержал паузу.

— Больной.

— Не лгите мне.

Механический монокль тихо щелкнул.

— Миледи, некоторые вещи лучше не обсуждать.

— В моем доме нашли чудовище.

— Именно поэтому мы разберемся с этим сами.

Люциус нахмурился. Сами. Значит, они уже сталкивались с подобным. Инквизиторы быстро переглянулись, будто без слов понимая друг друга. Младший достал из сумки тяжелые железные кандалы с выгравированными символами солнца. Пустого грубо перевернули на живот. Существо застонало.

— Пожалуйста...

Люциус почувствовал, как Элеонора рядом едва заметно напряглась. Ее лицо оставалось спокойным, но он слишком хорошо ее знал. Она жалела его, точнее это.

— Что это за твари? — тихо спросил Люциус.

Старший инквизитор не сразу ответил. Он наблюдал, как пустого заковывают в цепи.

— Мы называем их пустыми.

— Значит, вы знали о них.

— К сожалению.

— И их становится больше? — неожиданно спросила Элеонора.

Инквизитор посмотрел на нее очень внимательно, будто пытался понять, откуда она это знает.

— В последнее время... случаи участились.

— И вы не сообщили людям?

— Чтобы началась паника?

Он усмехнулся без тени веселья.

— Люди достаточно быстро начинают жечь друг друга, когда напуганы.

Пустой вдруг снова задергался. Его мутный взгляд опять нашел Элеонору, и он прошептал:

— Тепло...

После чего потерял сознание. Младший инквизитор нервно перекрестился. А старший медленно повернулся к Элеоноре.

- Любопытно.
- Что именно?
- Обычно они бросаются на людей. — Он сделал паузу.— А этот искал вас.

Глава 2. Бал у графини Вейл

Дождь шел уже третий день подряд. Не ливень, а мелкий, вязкий морозящий дождь, превративший улицы Астериона в черную блестящую кашу из угольной пыли и масла. Над городом висел дым фабричных труб, и даже днем газовые фонари горели тусклым желтоватым светом. Карета, которых после промышленной революции с каждым годом становилось все меньше, медленно поднималась по склону холма. Колеса скрипели по мокрому камню.

На вершине, над городским смогом, стояло поместье Вейл — огромное, темное, слишком старое для этих мест. Остроконечные башни уходили в туман, латунные трубы вдоль стен выпускали белый пар, а окна светились теплым золотом, будто внутри не существовало ни холода, ни дождя, ни всей грязи нижнего города.

— Говорят, у нее сегодня бал, — пробормотал кучер, косясь наверх. — Половина аристократии приедет.

Его пассажир нервно поправил воротник. Красивый молодой человек лет двадцати, в роскошном зеленом бархатном смокинге. Его высокопоставленный образ подчеркивала механическая нога, сделанная из золота и серебра.

— Правда ли, что говорят о хозяйке? — спросил он.

Кучер хмыкнул.

— Так о ней много че болтают. Бедная покойная графиня Вейл, видала бы она, что творит ее дорогая внученька.

Карета остановилась у кованых ворот. На железной арке красовался герб: роза, обвитая плющом. Ворота открылись раньше, чем кучер успел потянуть цепь звонка. Будто в доме уже знали, кто приехал. Дорожка к поместью проходила через сад из черных металлических деревьев. Среди ветвей тихо шипели паровые трубы. Между клумбами двигались автоматы-садовники — высокие механические фигуры с бронзовыми лицами. Один из них плавно поднял голову вслед гостю. Молодой человек невольно ускорил шаг. Двери особняка распахнулись. На пороге стоял дворецкий, спокойный и элегантный. Серебряная цепочка часов исчезала в кармане жилета, а черные перчатки скрывали руки.

— Добрый вечер, господин Лоран, — произнёс он вежливо. — Графиня Вейл ожидает вас.

Гость удивлённо моргнул.

— Прошу за мной.

Внутри поместье оказалось ещё роскошнее. Высокие потолки. Красные ковры. Латунные трубы вдоль стен. Часы. Тиканье наполняло дом, словно дыхание.

Гость заметил механического слугу у лестницы. Автоматон был старым, покрытым потемневшей бронзой. Вместо нижней челюсти — тонкая металлическая решетка, а один глаз мерцал тусклым голубым светом. Он держал серебряный поднос с бокалами. Когда мужчина проходил мимо, автоматон слегка повернул голову.

— Госпожа сегодня необычайно прекрасна, — проскрипел он.

Гость вздрогнул. Дворецкий даже не обернулся.

— Люмен, — холодно произнес он, — не пугай гостей.

— Я лишь констатирую факт, мастер Люциус.

Они поднялись на второй этаж. Музыка уже доносилась из бального зала: скрипки, виолончели, мерный шум голосов. Двери распахнулись, и зал утонул в свете. Хрустальные люстры. Паровые канделябры. Музыка камерного оркестра автоматов. Шелк, золото, смех. Аристократы кружились в танце, офицеры смеялись у длинных столов, дамы в масках перешептывались за веерами. У одного генерала вместо левой руки двигался дорогой армейский протез из черненной стали, тонкие металлические пальцы тихо шелкали по трости в такт музыке. Возле

окон двое промышленников негромко спорили о поставках угля на северные железнодорожные линии.

— Если северные шахты снова встанут, половина дирижаблей Империи останется без топлива.

— Тогда пусть колонии увеличивают добычу.

— Колонии уже на грани бунта.

Рядом оркестр автоматов нового поколения двигался почти пугающе плавно. Латунные пальцы скрипачей скользили по струнам с нечеловеческой точностью, а фарфоровые лица выглядели слишком живыми в свете люстр.

— Представляете, они способны запоминать мелодии без перфолент. Настоящий прорыв.

— Прорыв до первого сбоя, — сухо заметил кто-то рядом.

За соседним столом пожилой банкир жаловался, что после недавних рейдов Инквизиции половина аристократов боится держать дома даже старые алхимические книги.

— Скоро они начнут проверять, сколько раз ты кашлянул за ужином, — нервно фыркнула его спутница.

— Если это поможет найти ещё хоть одного кровопийцу, пускай проверяют, — резко ответил офицер с серебряным механическим глазом.

После этих слов несколько гостей инстинктивно оглянулись по сторонам.

И все же весь зал был построен вокруг одного человека. Хозяйка вечера, графиня Элеонора Вейл, стояла у высокой лестницы в черном платье с темно-алым шелком. Она выглядела словно фарфоровая кукла. На ней не было драгоценностей или короны, но все равно казалось, будто именно ей принадлежит не только вечер, но и вся ночь за окнами. Когда она обворожительно улыбнулась Лорану, его сердце забилося быстрее.

— Господин Лоран, — мягко произнесла она. — Я безумно рада, что вы нашли время посетить мой скромный прием.

Ее голос был тихим, но музыка словно отступала перед ним. Она спустилась на несколько ступенек. Мужчины в зале невольно провожали ее взглядом. Некоторые женщины тоже.

— Для меня честь быть приглашённым, леди Вейл, — Лоран неловко поклонился.

— Не стоит так нервничать, — сказала она с легкой улыбкой, — у меня не кусаются.

Позади нее Люциус едва заметно напрягся. Голубой глаз Люмена тихо вспыхнул и почти неслышно произнёс: — Статистическая вероятность остаётся ненулевой.

Господин Лоран нервно рассмеялся чуть громче, чем следовало. Несколько гостей обернулись, и он тут же смутился. Леди Вейл смотрела на него с мягким терпением, будто привыкла к подобной реакции.

— Простите, — пробормотал он, — дорога была долгой.

— Тогда вам нужен отдых, музыка и что-нибудь покрепче вина.

— Люциус, — произнесла она, не оборачиваясь, — позаботься о наших гостях.

— Разумеется, госпожа.

Он поклонился безукоризненно, сдержанно. И всё же, Лорану показалось, что между дворецким и гравиней промелькнуло что-то напряжённое.

Элеонора уже увела гостя в сторону танцующих. — Вы бывали в Астерионе раньше? — спросила она.

— Только проездом.

— Тогда не задерживайтесь в нижнем городе. Он умеет портить людей.

— А верхний?

На её губах мелькнула улыбка, — Верхний просто делает это красивее.

Мимо прошла группа молодых аристократок. Одна из них, высокая блондинка в жемчужной маске, проводила Элеонору долгим взглядом.

— Еще один? — тихо спросила она у подруги, но достаточно громко, чтобы услышали окружающие.

— Тише, — шикнули на нее. — Она услышит.

— И что? Завтра мальчик выйдет отсюда счастливым и с пустой головой, как остальные. Девушки рассмеялись. Лоран покраснел. Элеонора окинула их пронзительно холодным взглядом, девушки оборвались на полуслове и стыдливо прикрыли лица веерами.

— Не слушайте их, — спокойно сказала она.

Лоран заметно смутился и отвёл взгляд. — Простите, если мое присутствие доставляет вам неудобства, — тихо произнёс он. Большинство мужчин на его месте лишь самодовольно ухмылялись бы.

Элеонора подняла взгляд. На втором этаже, возле балкона, стоял Люциус. Даже с другого конца зала было видно, что он наблюдает, но не за гостями, а за ней. И выражение его лица нравилось ей всё меньше.

Бал продолжался. Музыкальные автоматы со скрипками и виолончелями вместо рук играли быстрый вальс. Пар клубился под потолком от нагретых труб. Слуги носили шампанское, вино и закуски. По приказу Элеоноры Люциус прикладывал все усилия, чтобы вечер прошёл для гостей идеально. Но вдруг он нахмурился. Элеонора больше не была в центре зала. Люциус резко выпрямился, взгляд быстро скользнул по толпе гостей. Музыка продолжала играть, аристократы смеялись, слуги разносили шампанское, но он больше не ощущал её присутствия рядом. Тревога поднялась мгновенно. Он быстрым шагом направился к боковым коридорам поместья. Чем дальше оставался шум бала, тем тише становилось вокруг. Только приглушённая музыка за стенами и мерное шипение пара в трубах. А потом он услышал смех. Не тот лёгкий смех, которым Элеонора обычно отвечала гостям, а натянутый, нервный. Люциус ускорил шаг.

За поворотом, в узком коридоре возле гостевых комнат, стоял господин Якоб. Крупный, уже сильно пьяный, раскрасневшийся от вина старик. Одной рукой он упирался в стену рядом с Элеонорой, практически перекрывая ей путь. От него за несколько шагов несло алкоголем.

Элеонора улыбалась, нетипично вежливо и осторожно.

— Господин Якоб, прошу, — мягко произнесла она, пытаясь отстранить его ладонями. — Вы неверно поняли мои слова.

— Хватит ломаться, — пьяно усмехнулся тот, наклоняясь ближе, — Я знаю, что о тебе говорят, — Он схватил ее за запястье. Люциус ударил раньше, чем Якоб успел понять, что произошло.

— Ты что творишь, мерзавец, — Якоб прижал ладонь к лицу, пытаясь подняться, — тут же последовал второй удар. Замах на третий.

— Люци! — резкий голос Элеоноры заставил кулак Люциуса замереть в паре сантиметров от переносицы Якоба, — перестань, это — гость.

— Гостям нужно вести себя подобающе, — он не спускал разъяренных глаз с Якоба.

— Прекрати, — Элеонора сбавила тон, — простите, что доставили столько проблем, — обратилась она к Якобу.

— Да ты, да ты, дешевая подстилка, как ты смеешь! — он держался за окровавленный нос, густые алые капли падали на ковер.

— Люмен, позаботься о госте, — холодно приказала Элеонора. Металлические пальцы автомата вцепились в плечи Якоба и подняли его на пару сантиметров от пола.

— Пройдемте, — Якоб пытался сопротивляться, но против механики Люмена он был бессилен.

— Люци, ты в порядке, — подбежала обеспокоенная Элеонора. Она взяла его кисть и увидела ссадины. Ее взгляд был полностью сосредоточен на его ранении, пальцы дрогнули всего на мгновение. Она поджала губы.

— Вообще то это мои слова. Эль...

— Я в порядке. Со мной ничего бы не случилось, — она резко отпрянула от него на пару шагов, — попроси Люмена обработать ссадину, — она быстро вернулась к гостям.

Люциус вернулся в балльный зал почти бесшумно. Музыка мягко разливалась под сводами поместья — медленный вальс, тяжелый и тягучий, словно густой мед. Гости смеялись, кружились в танце, шуршали дорогими тканями. А в центре всего этого была Элеонора. Она танцевала с Лораном. Люциус заметил на его лице неумело скрытую влюбленную дурость. Молодой наследник одной из промышленных семей что-то говорил ей с обворожительной улыбкой, но Элеонора лишь тихо смеялась, легко скользя по залу под музыку. Она двигалась с такой естественной грацией, будто была рождена для подобных вечеров. Темное бархатное платье мягко струилось вокруг ее ног, тонкие цепочки на корсаже поблескивали в свете ламп, а длинные черные волосы переливались золотыми отблесками люстр. Слишком совершенная для шумного человеческого зала. Люциус остановился в тени возле колонны. Он просто смотрел. На то, как ее пальцы лежат на плече этого мужчины. Как она склоняет голову, слушая Лорана, как улыбается. И внутри медленно разливалось знакомое неприятное чувство, тихое и тяжелое. Лоран что-то сказал снова, и Элеонора рассмеялась уже громче. Она всегда притягивала взгляды, даже когда просто стояла неподвижно. Люциус это ненавидел, и одновременно не мог перестать смотреть. Он слишком хорошо помнил: боль потери, плачь и тонкую женскую руку, гладящую его по голове. С тех пор весь его мир, как будто, неизменно вращался вокруг нее.

Лоран двигался неуверенно, иногда сбиваясь с ритма, но взгляда от Элеоноры не отводил. Будто действительно забыл обо всем остальном зале.

— Вы прекрасно танцуете, — признался он.

— А вы слишком честны для аристократа.

Он смущенно улыбнулся. — Отец говорил, что это мой главный недостаток.

Музыка закончилась. Лоран наклонился к Элеоноре чуть ближе, чем позволяли приличия. Она кокетливо улыбнулась.

— Не хотите выпить бокал вина в более тихой обстановке? — игриво шепнула она ему на ухо.

— Но бал в самом разгаре

— Я больше не могу ждать.

Не торопясь, они вдвоем покинули зал.

— Какая вульгарность! Она уже и конца вечера не дожидается, — ядовито язвили аристократки, прикрывая ехидство веерами.

Как только Элеонора закрыла двери гостевой спальни, Лоран попытался ее обнять. — Я хочу вас, Элеонора, — прошептал Лоран на ухо. Его горячее дыхание обжигало бледную кожу Элеоноры, — прямо сейчас.

— Нам некуда спешить, вся ночь впереди. — она изящно отстранилась. — Как насчет хорошего вина, 10 лет выдержки, из моей личной коллекции? — она протянула ему бокал, приглашая присесть на кровать. Элеонора села рядом. В полумраке комнаты ее глаза сверкали еще ярче. Лоран сделал пару глотков, не сводя взгляда с Элеоноры. Тепло медленно растекалось по его телу, притупляя мысли.

— Что это? — Лоран пытался сосредоточиться.

— Приятный вечер.

— Знаете... — тихо произнес Лоран, глядя на нее затуманенным взглядом. — Мне кажется, я никогда не видел никого похожего на вас.

Элеонора замерла. После стольких ночей для нее было непривычно слышать подобное. Он сказал это без пошлости. Без привычного ей мужского голода. Почти печально. Будто, действительно говорил правду.

Элеонора успела выхватить бокал в тот момент, когда он откинулся на кровать. Она наклонилась к Лорану, чтобы проверить, насколько крепко он заснул. Она нависла над ним несколько секунд, просто рассматривая черты лица юноши: нос с горбинкой, высокие скулы, тонкие губы. Такой юный. Такой живой. В мгновение ока в мыслях Элеоноры мелькнуло что-то похожее на вину. Она нежно убрала выбившуюся прядь русых волнистых волос со лба Лорана. Ее рука скользнула ниже к груди, медленно расстегнув одну за другой пуговицы на бархатном жилете, потом на рубашке. Когда Лоран оказался наполовину обнажён, Элеонора села рядом и начала нежно водить тонким пальцем по его плечам, рукам и шее. — Ты из высшей аристократии, нужно постараться не оставить следов, — ее палец остановился на внутренней стороне плеча. Она углубила острый ноготь в кожу Лорана, пока из раны не пошла тонкая струйка крови. Элеонора наклонилась к тонкой полоске крови, на мгновение прикрыв глаза, а затем нежно коснулась губами.

Глава 3. Пепел Астериона

Поместье Вейл затихло лишь к утру. Музыка давно смолкла, последние гости разошлись по своим комнатам, а огромный особняк погрузился в ту особую тишину, которая бывает только в домах очень богатых людей.

Люциус не спал. Он лежал на широкой кровати уже больше часа, глядя в потолок. Это была не та узкая койка, к которой он привык за годы путешествий с Элеонорой, но даже огромный мягкий матрас, нежно обволакивавший его спину, не мог принести ему спокойный сон. Золотые огни Астериона, пробивавшиеся из полузакрытого окна, танцевали бледными полосками на стенах комнаты.

В углу стоял письменный стол, заваленный картами, чертежами и книгами, которые он взял из библиотеки графини Вейл. На столе лежал разобранный револьвер, несколько деталей механизмов и раскрытый атлас Империи. На стенах висели старые гравюры с изображениями кораблей и воздушных дирижаблей. Кто-то из прежних хозяев комнаты явно мечтал о путешествиях.

Шкаф был заполнен одеждой, которую Элеонора распорядилась сшить специально для него. Люциус до сих пор чувствовал себя неловко, глядя на количество рубашек, жилетов и пальто, которыми владел теперь официально.

Люциус раздраженно полчаса убеждал себя, что причина бессонницы никак не связана с Эль, но все оказалось безуспешно. В конце концов он сдался, поднялся с кровати и вышел из комнаты.

Прохладный ночной воздух встретил его на балконе. Люциус стоял несколько минут, глубоко вдыхая запахи машинного масла и угля Астериона. Проветривание головы не помогало. Он все еще был раздражен, но не понимал почему. Господин Якоб получил по заслугам, хотя не настолько сильно, насколько Люциус рассчитывал. За Элеонору ему не стоило переживать, она могла позаботиться о себе лучше любого человека на балу. Она могла разорвать этого блондина пополам одной рукой. И все же Люциусу категорически не нравилось видеть их рядом. Наверное, потому что он отвечал за её безопасность. Да. Именно поэтому. Никакой другой причины не существовало.

Люциус уже собирался вернуться обратно, чтобы снова попытаться уснуть, когда заметил знакомую фигуру на крыше одной из пристроек. Люмен. Разумеется. Кто ещё будет сидеть на крыше в четыре часа ночи? Люциус вздохнул и полез наверх. Он устроился рядом с автоматом. Люмен сидел на самом краю крыши и смотрел на звёзды.

— Ты вообще спишь? — спросил Люциус.

— Нет.

— Совсем?

— Не умею.

Люциус задумался.

— Это должно быть ужасно.

— Почему?

— Потому что тогда ты никогда не отдыхаешь.

Люмен наклонил голову.

— А вы сейчас отдыхаете, мастер Люциус?

Люциус поморщился.

— Туше.

Несколько минут они молчали. Ветер тихо шелестел листвой, а где-то далеко ухнула ночная птица. Потом Люмен неожиданно спросил:

— Почему люди выбирают себе пару?

Люциус чуть не свалился с крыши от подобного вопроса. Еще больше он не ожидал услышать нечто подобное от автоматона. — Что?

— Я изучал книги. Они утверждают разное: одни говорят о продолжении рода, другие — об эмоциональной привязанности, третьи — о химических реакциях в мозге. — Люмен задумчиво посмотрел на него. — Какая версия правильная?

— Понятия не имею.

— Почему сегодня на балу вы злились? — Люмен спокойно смотрел на Люциуса.

Проклятая машина, он замечал слишком много.

— Потому что Лоран называл её "очаровательным созданием".

— Это плохо?

— Да.

— Почему?

— Потому что... — Люциус замолчал. Потому что тот слишком долго держал руку Эленоры, слишком широко улыбался и смотрел на неё так, словно уже что-то решил. — Потому что он был подозрительный.

Люмен моргнул.

— Нет.

— Что значит "нет"?

— Задетектирована ложь мастера Люциуса.

— Я не вру.

— Лгущий человек обычно отводит взгляд. Мои сенсоры способны анализировать человеческое поведение с точностью менее чем одна десятая процента, мастер Люциус.

Люциус действительно отвёл взгляд. Проклятье. С механической логикой Люмена было очень сложно спорить, хотя иногда он искренне не понимал некоторых человеческих эмоций, поступков и реакций.

Люмен снова задумался, настолько долго, что Люциус уже решил, будто разговор закончился. На его металлическом лице никогда не отражались эмоции, если он вообще был на них способен, поэтому вести диалоги иногда было сложно. Затем Люмен неожиданно сказал:

— Мой анализ показывает, что мастер Люциус испытывает, любовный интерес по отношению к Госпоже.

Люциус поперхнулся.

— Что? Нет! Ты должен перепроверить свои сенсоры. Такую старую модель, возможно, пора сдать на переплавку, — угрожающе ответил Люциус.

— Почему вы сомневаетесь в моем анализе?

— Потому что, нет.

— Это не объяснение.

— Потому что она спасла мне жизнь.

— Поэтому вы так пристально следите за ней?

— Я просто хочу вернуть долг за спасение своей жизни, поэтому безопасность Эль, для меня приоритет.

— Даже когда госпожа читает книгу?

Люциус промолчал.

— Даже когда она пьёт чай?

— Я не... — Люциус закрыл лицо ладонью. — Господи.

— Концепт Господа сложно поддается расчётам.

— Забудь.

Люмен послушно кивнул, потом снова посмотрел на звёзды.

— Мои сенсоры детектируют еще одну иррациональную эмоцию мастера Люциуса. Вы боитесь.

— Чего?

— Что однажды Госпожа перестанет нуждаться в вас.

Эти слова ударили неожиданно сильно, что Люциус не сразу нашёл, что ответить. Эль его обучала с малых лет, и постоянно твердила, что это необходимо, чтобы однажды он был способен начать самостоятельную жизнь. Перед глазами вдруг всплыл сегодняшний вечер. Элеонора среди света люстр, смеющаяся над шуткой Лорана, прекрасная, бессмертная. Он сжал челюсти.

— Это не имеет значения.

— Почему?

— Потому что моя задача защищать её.

Люмен снова посмотрел на него. — Тогда, мои предыдущие расчеты ошибочны и мастер Люциус просто самый преданный человек в Империи.

Люциус посмотрел на звёзды и подумал, что этот вариант звучит ничуть не менее страшно.

Когда Люциус пришел с утра в комнату Элеоноры, она уже не спала.

— Лоран уже ушел? — спросила Элеонора, не открывая глаз.

Сквозь высокие окна доносился далекий вой фабричных сирен, возвещавших перемену рабочих. Астерион никогда не спал — город жил в дыме, копоти и грохоте механизмов, словно огромный железный зверь, которому требовалось все больше угля, пара и человеческих жизней.

— Да, все в порядке, как обычно, — ответил Люциус. Последние месяцы это происходило слишком часто. Новые гости. Новые мужчины. Новые лица, исчезающие из их жизни на следующее утро.

— Их становится слишком много, — обеспокоено произнес он.

— Люци...

— Почему ты просто не используешь меня? — сказал он.

Элеонора замерла. В комнате стало очень тихо.

— Нет.

— Почему?

— Мы уже обсуждали это.

— Ты позволяешь каким-то пьяным аристократам касаться себя, — голос Люциуса становился жестче с каждым словом, — позволяешь приводить их в свою спальню, рискуешь из-за них, а мне даже не даёшь помочь. И даже не можешь дать вразумительный ответ, почему.

— Это не помощь.

— Тогда что?

Она не ответила сразу, потому что не могла. Люциус был вернее пса и позволил бы ей выпить себя досуха, если бы она попросила. Но он не понимал, не понимал, что для нее кровь никогда не была просто едой. Она не могла использовать его для удовлетворения своих грязных инстинктов. Элеонора все еще видела в нем мальчика, которого она хотела защитить, как напоминание о прошлой жизни, собственной человечности. Однако мальчик вырос, и ей стало казаться, что запах Люциуса заполняет всю комнату — теплый, сладкий, болезненно живой. В такие моменты ей приходилось отворачиваться первой, и находиться рядом с ним становилось тяжелее с каждым днем. Больше всего на свете она хотела, чтобы этот мальчик продолжал смотреть на нее с тем же восторгом, что и двадцать лет назад. Она не могла позволить ему соприкоснуться с ее грязью. Она лучше умрет, чем увидит страх и отвращение в его глазах. Глубоко в душе Элеонора понимала, когда-нибудь это произойдет.

— Ты не в моем вкусе, — съехидничала она.

— Только не говори, что я стал слишком старым для тебя. Ты всегда выбираешь двадцатилетних.

— Зачем размениваться на меньшее если они симпатичные, и голову дурить им легче — усмехнулась она, — приготовления закончены?

— Да, сегодня ночью мы исчезнем.

Люциус проходил по дому не только для проверки всех приготовлений, он как будто пытался запечатлеть в памяти все восемь лет, что они прожили здесь. Он остановился в библиотеке. Поместье Вейл обладало огромной и очень редкой коллекцией книг, все из которых Люциус изучил досконально. С того самого момента, как он продолжил свой путь с Элеонорой, она и Люмен занимались его воспитанием и образованием. Эль дала ему прекрасные и обширные знания, начиная от этикета и заканчивая основами алхимии. Но она всегда недоговаривала правду о себе. Поэтому Люциус пытался использовать любую возможность, чтобы добыть информацию о вампирах, которая была так засекречена от остальных. Но книги не давали ему желаемой информации. Одни книги утверждали, что вампиры превращаются в чудовищ при виде серебра, при этом их дом был полон столового серебра. Другие — что они не отражаются в зеркалах, хотя Эль накладывала легкий макияж за туалетным столиком каждый день. Третьи вообще называли их наказанием за промышленный прогресс и человеческую гордыню. Но Эль, хоть и была самолюбива, немного капризна и горделива, ее никак невозможно было назвать чудовищем. Прямые вопросы тоже не приносили Люциусу желаемый результат. Однажды он спросил ее, а правда ли, что вампира можно убить осиновым колом в грудь? Она рассмеялась, ответив, что вряд ли смертный человек такое переживет. На вопрос, почему в доме было много столового серебра, она отшучивалась, что уже давно не спускалась на завтрак в столовую и нравовчала, чтобы Люциус заканчивал читать бред, который придумали фанатики.

— Мастер Люциус, на нижнем этаже все приготовления завершены, мы можем начинать, как только госпожа будет готова, — в комнату беззвучно зашел Люмен.

— Спасибо, — Люциус немного замялся, — скажи, а ты давно вместе с госпожой?

— С самого начала.

— С самого начала, то есть с какого времени? Ты знаешь, где её семья? Почему она живёт одна? Я слышал, что вампиры живут кланами. Как она была обращена? Как вообще вампир может обратить? Почему она меня не хочет обратить? — непонимание сущности Эль съедало его изнутри. Но в ответ он услышал лишь тихое жужжание двигателя Люмена.

— Люци, я уже тебе говорила перестать верить бреду городских сумасшедших, — в комнату вошла недовольная Элеонора.

— Что мне остается делать? Тогда расскажи мне как первоисточник, — насупился Люциус.

— Надо смазать старину Люмена перед отправкой, — как обычно, вопросы Люциуса были проигнорированы.

Элеонора подошла к Люмену с маслёнкой и бережно начала смазывать каждую шестерёнку. Ее движения были привычными, не как у хозяйки, а как у человека, который десятилетиями собирал кого-то заново после каждой поломки.

— Спасибо госпожа.

— Так как давно он с тобой? Его модель очень необычная, насколько он старый, — Люциус помогал с местами, куда Эль не могла дотянуться, — не пора ли заменить?

Большинство старых автоматов, особенно в Астерионе, сразу отправляли на переплавку. Чинить их считалось бессмысленным и дорогим.

— Не смей такое говорить, — разозлилась Элеонора, — он — семья. И он со мной с самого начала.

Люциус глубоко вздохнул, понимая, что его защиту в лоб он сломать не сможет.

— Я перекрыл заслонки на паровых котлах, пожар начнется через двадцать три минуты, — доложил Люмен.

— Отлично, — Элеонора поднялась и начала застегивать тёмное дорожное пальто, — тела уже перенесли?

Люциус устало потер переносицу. — Да. И я всё ещё считаю, что это был худший вечер в моей жизни.

— Не драматизируй, — невозмутимо ответила Элеонора.

— Мы выкапывали трупы с кладбища посреди ночи.

— Технически вы выкапывали уже готовые жертвы трагического пожара.

— Один из них развалился у меня в руках.

— Значит, нам достался крайне неудачный покойник.

— Эль!

Она едва заметно усмехнулась, проверяя патроны в небольшом револьвере. — Ты слишком нервничаешь для человека, который помогал Люмену отпиливать лицо одному из покойников.

— Потому что ты сказала, что он был слишком узнаваем!

— И я была права.

Люциус раздраженно выдохнул и опустился в кресло. На самом деле его мутило до сих пор. Ночью он с Люменом пробрался на старое кладбище за промышленным районом Астериона — туда, где хоронили бедняков и рабочих фабрик, погибших в цехах или шахтах. Земля после дождя оказалась тяжелой и вязкой, а сам Люциус всю дорогу убеждал себя, что нормальные люди в его возрасте не проводят ночь, выбирая наиболее подходящие трупы для инсценировки собственной смерти. Но Элеонора была права: без тел побег не сработал бы.

Имперская полиция не занималась расследованиями так активно, когда всё выглядело как несчастный случай. Если речь шла о богатой аристократке, то после пожара должны были остаться останки графини Вейл и её дворецкого. Иначе через несколько недель начались бы расследования, допросы, ориентировки и проверки железнодорожных станций.

Элеонора всегда исчезала полностью и относилась очень серьезно к плану исчезновения. Старое имя должно было умереть по-настоящему.

Над Астерионом уже сгустилась ночь. Город внизу напоминал огромный раскалённый механизм, растянувшийся до самого горизонта. Тысячи фабричных труб поднимались над крышами, выбрасывая в небо густой дым. Между кварталами тянулись линии паровых трамваев, тяжелые мосты и бесконечные металлические конструкции, соединяющие заводы, мастерские и жилые районы в единый шумящий организм. Весь город жил в ритме машин — быстро, шумно и жадно, будто боялся остановиться хотя бы на секунду.

Люциус замедлил шаг. Восемь лет этот город был его домом. Он помнил шум утренних рынков промышленного квартала, запах угля после дождя, бесконечные огни мастерских, где работа не прекращалась даже глубокой ночью. Помнил книжные лавки возле университета, старика-часовщика на углу улицы Рейнхарта, механические фонари вдоль каналов и тяжелый горячий воздух центральных районов, пропитанный дымом и паром.

В этот момент внутри поместья Вейл вспыхнул огонь. Сначала где-то за окнами мелькнуло тусклое оранжевое сияние. Затем раздался приглушенный хлопок — один из перегруженных паровых котлов наконец не выдержал давления. Через несколько секунд огонь вырвался наружу. Пламя стремительно побежало по старым деревянным перекрытиям, перескакивая между комнатами с пугающей жадностью. Жар мгновенно охватил сухие балки, тяжелые шторы и библиотеку, где за восемь лет Люциус прочитал сотни книг. Из окон повалил густой черный дым. В поместье лопались паровые трубы, разлетались стекла, внутри что-то рушилось с глухим металлическим скрежетом, будто сам дом сопротивлялся собственной смерти. Где-то внизу уже раздавались тревожные свистки городской пожарной службы, а в соседних кварталах начинали останавливаться люди, глядя на поднимающееся в небо зарево.

Люциус невольно остановился. Рядом с этим пожаром он особенно отчетливо понимал: для Элеоноры это был лишь очередной дом, очередное имя, очередная жизнь со сроком годности в несколько лет. Как и для него. Он медленно повернул голову. Элеонора не обернулась, не замедлила шаг. Прохладный ветер трепал ее волосы, а янтарные глаза спокойно смотрели вперед. Слишком много раз в своей жизни она уже видела, как горят ее дома.

— Пойдем, Люци.

Глава 4. Северная экспедиция

Столица Империи — Ноктарион — никогда не спала. Даже глубокой ночью над городом висел густой янтарный свет тысяч газовых ламп. Паровые трубы дрожали от давления, фабрики за рекой ревели так громко, будто под землей ворочался огромный механический зверь, а по верхним мостам непрерывно двигались грузовые платформы с углем и топливом. Ноктарион напоминал гигантский двигатель, живой, раскаленный и вечно голодный.

Но министерский квартал жил по другим законам. Здесь не было шума трактиров или криков ночных рабочих. Широкие улицы освещались ровными рядами электрогазовых фонарей, по мостовым почти бесшумно скользили служебные паромобили, а у правительственных зданий неподвижно стояли солдаты в темных шинелях. Под дождем чернел памятник Императору — человеку, подарившему стране век механизмов. Бронзовый монарх смотрел куда-то поверх города, вытянув вперед руку, словно до сих пор вел Империю в будущее.

Высокие окна Имперского совета выходили прямо на центральную площадь. Внутри здания пахло бумагой, горячим металлом и чрезвычайно крепким кофе.

— Еще три станции остановились этой ночью.

Министр энергетики Конрад Рихтер нервно листал отчёты, время от времени вытирая трясущиеся пальцы платком. Рядом с ним сидел министр промышленности Август Кронен — массивный мужчина с механическим протезом вместо левой руки. Латунные пальцы тихо постукивали по столу каждый раз, когда разговор заходил о закрытии заводов.

Напротив расположился адмирал Вернер Хольт — сухой старик в темно-синем мундире флота. Его лицо пересекал длинный шрам, а вместо правого глаза тускло поблескивала дорогая линза-окуляр. Рядом молча курила длинную сигарету министр финансов Эвелин Драйер — женщина с холодным взглядом и идеально уложенными серебристыми волосами. Она почти не участвовала в разговоре, но внимательно слушала каждое слово.

Чуть поодаль сидели еще несколько советников, военных и инженеров. Уставшие люди, слишком давно переставшие верить в хорошие новости.

— Южные резервы истощены, — продолжил он усталым голосом. — Если мы продолжим сжигать уголь такими темпами, через несколько лет половина Империи останется без отопления.

Он замолчал и тяжело потер переносицу.

— А если Ноктарион останется без тепла зимой... начнутся бунты.

— Через три года, — спокойно поправил другой голос. Женщина у окна даже не обернулась. Она была высокой, статной, в идеально подогнанной черной форме Инквизиции. Никаких лишних деталей, только серебряный символ солнца на воротнике и серебряный меч на поясе. Верховный Капитан Селена Морвейн.

Рихтер раздраженно поморщился.

— Вы всегда умеете поддержать атмосферу, капитан.

— Это моя работа.

Адмирал Хольт хрипло усмехнулся.

— Атмосфера нас сейчас волнует меньше всего. Флот уже переводит половину кораблей на резервное топливо. Если северные поставки окончательно рухнут, Империя потеряет контроль над морскими путями.

— Морские пути? — сухо бросила Эвелин Драйер. — Через год нас будут интересовать не пути, а хлебные карточки.

Кронен тяжело ударил механической рукой по столу.

— Мы не можем остановить заводы! Армия требует оружия, железные дороги требуют деталей, города требуют автоматов—

— Города требуют тепло, — перебил его Рихтер. — Потому что замерзшие жители не покупают ваши машины.

Спор начал набирать силу, когда молчавший молодой инженер наконец поднял голову. Самый молодой человек в комнате. На вид ему было едва больше двадцати. Светлые волосы падали на глаза, тонкие пальцы были испачканы чернилами и машинным маслом, а рукав рубашки возле запястья был прожжен — след недавней работы в мастерской. Пока остальные спорили, он молча листал документы.

— Господин Арден? — не выдержал министр. — Может, вы наконец скажете что-нибудь?

Молодой инженер медленно поднял голову. Эдриан Арден — лучший инженер Имперского института энергетики и человек, которого половина научного сообщества считала гением, а вторая — опасным безумцем.

— Вы хотите честный ответ?

— Желательно.

Эдриан закрыл папку.

— Империя умирает.

В комнате повисла тишина. Только дождь бил по окнам. Где-то внизу тихо прогудел ночной поезд.

— Очень вдохновляюще, — сухо заметил министр.

— Это не мнение. Это сухие расчеты.

Эдриан поднялся из-за стола и подошел к огромной карте Империи на стене. Почти половина северных регионов была отмечена красными символами. Некоторые шахты были перечеркнуты полностью.

— Добыча падает последние десять лет, — продолжил он. — Потребление растет вдвое быстрее прогнозов. Города расширяются. Автоматоны требуют энергию. Железные дороги требуют энергию. Военная промышленность требует энергию. — Он провел пальцем по северу карты. — А ресурсов больше нет.

Министр тяжело выдохнул.

— Именно поэтому мы здесь.

— Нет, — спокойно ответил Эдриан. — Мы здесь потому, что Империя слишком долго делала вид, будто проблема исчезнет сама.

Селена впервые за собрание посмотрела на него внимательно, без раздражения, а скорее с интересом.

— Возможно, — холодно произнесла она. — Но сейчас нас интересует другая проблема.

Она подошла к столу и положила перед ним тонкую папку с красной печатью: секретно.

— Две недели назад северная экспедиция перестала выходить на связь.

Эдриан нахмурился.

— Геологи?

— И военное сопровождение.

— Причина?

— Неизвестна.

Селена открыла папку. На стол легли фотографии. Разрушенный лагерь. Следы крови на снегу. Перевернутые буровые установки. И длинные борозды в снегу, будто кто-то тащил тела. Эдриан почувствовал неприятный холод внутри.

— Что они нашли?

Полковник впервые за весь разговор отвела взгляд.

— Возможно, новый источник энергии.

— Возможно?

— Мы не уверены.

Она достала последнюю фотографию.

— Потому что они нашли кое-что еще.

Тишина стала тяжелее, даже министр напрягся. Эдриан взял снимок. На фотографии был человек. Точнее — когда-то им был.

Существо с серой кожей и неестественно вытянутыми конечностями смотрело в объектив мутными белыми глазами. Грудная клетка была вскрыта, а внутри вместо органов пульсировала густая черная масса. Пустой. Эдриан замер. Что-то внутри него инстинктивно пыталось отвергнуть увиденное.

— Это подделка?

— Хотела бы я.

Он снова посмотрел на фотографию. Пропавшие шахтеры, пустые деревни, слухи о людях, которые возвращались другими. Все это внезапно перестало казаться городскими страшилками, но он всё ещё не видел смысла во всём происходящем.

— Значит слухи правдивы... — тихо произнес он.

— К сожалению, да.

Министр устало опустил в кресло. Казалось, за последние полчаса он постарел еще на несколько лет.

— Нам нужен новый источник энергии, — глухо сказал он. — И одновременно нам нужно понять, что именно нашла экспедиция на севере.

Селена сделала шаг ближе.

— Поэтому вы отправитесь со мной.

Эдриан резко поднял взгляд. — Простите?

Селена не сразу ответила. Она смотрела на молодого инженера так, словно оценивала не его знания, а его способность выжить. Эдриан выдержал это испытание; в отличие от большинства присутствующих, он не отвёл глаза.

— Боюсь, произошло недоразумение, капитан, — наконец произнёс он. — Я инженер.

— Именно поэтому вы нам нужны.

— Нет, вы не поняли. Я действительно инженер. — Он указал на фотографию Пустого. — Я изучаю энергетические системы, а не монстров.

Несколько советников неловко переглянулись, Селена даже не моргнула.

— Вы изучаете неизвестные источники энергии и пытаетесь вывести Империю из кризиса.

— Да.

— А мы обнаружили потенциальный источник энергии.

Эдриан посмотрел на фотографию ещё раз. Пульсирующая чёрная масса внутри существа почему-то не давала ему покоя. Что-то в ней выглядело неправильно: она была слишком упорядоченной, даже похожей на привычные ему механизмы. Словно внутри монстра работал какой-то двигатель. Эта мысль ему абсолютно не понравилась.

— Вы ведь понимаете, что я не солдат?

— Понимаю.

— Я никогда не держал оружие.

— Это заметно.

В комнате раздалось несколько смешков. Эдриан поморщился.

— Замечательно.

— Вам и не нужно держать оружие.

— Тогда почему мне кажется, что я всё равно могу умереть?

На этот раз даже адмирал Хольт усмехнулся. — Потому что можете.

Смех в комнате мгновенно исчез. Повисло неловкой молчание. Селена подошла к карте.

— Северная экспедиция состояла из сорока двух человек.

Она отметила точку возле горного массива.

— Вернулся один.

Эдриан поднял голову.

— Один? — его голос начал нерв

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.